

Несостоявшееся «место совести» или черкесский подтекст «олимпийского» дискурса Путина

«Съесть врага живьем – это еще ничего, труднее не оставить за ним последнее слово»

С.Е. Лец.

Недавно исполнилось десять лет со дня [выступления В.Путина на 119-й сессии МОК в Гватемале](#), где он презентовал г. Сочи в качестве кандидата на проведение зимней Олимпиады 2014 года. Думается, такую хронологическую дистанцию можно считать вполне приемлемым сроком для попытки спокойного и непредвзятого размышления о заданном властью дискурсе в период подготовки и проведения сочинской Олимпиады в контексте актуальной черкесской повестки. При этом предметом внимания здесь избраны эпизоды, ситуации высказывания, в которых Путин, так или иначе играл центральную роль. В этой связи, видимо, имеет смысл предварительно обозначить причину сфокусированности на речи одного человека, когда заявленной задачей является анализ дискурса «власти», т.е. субстанции заведомо не ограничивающейся отдельной персоной. Между тем, роль этого человека во властной системе такова, что говорить о сколь-нибудь важных государственных вопросах без учета его позиции в реалиях современной России будет просто бессмысленно. В самом деле, можно не напоминать, что Путин согласно Конституции является высшим должностным лицом – Президентом РФ. Однако загвоздка в том, что по Основному закону наряду с исполнительной ветвью власти, которую возглавляет Президент, в России функционируют независимые законодательная и судебная власти. А формой политического устройства, как вытекает из самого названия государства, является Федерация. Однако реальность, данная нам в ощущениях, дает мало оснований для безоглядной веры в такие радужные, но весьма далекие от действительности установления. Но вряд ли здесь уместно ограничиваться исключительно собственным оценочным суждением. И в подтверждение своего мнения сошлемся на несравненно более красноречивую и [отточенную формулировку Олега Кашина](#). На наш взгляд, трудно не согласиться со следующим тезисом журналиста: «У нас суперпрезидентская страна и семнадцать с половиной лет несменяемой власти, и этих условий достаточно для однозначного решения задачи – власть это Путин, а Путин это власть». Да и перл нынешнего думского начальника о том, что [«Нет Путина, нет России»](#) никто из власть предержащих не опровергал. Не ограничиваясь суждениями находящихся на полярных позициях оппозиционного журналиста и подобострастного функционера, и дабы привнести элемент академизма и беспристрастности в столь важную для России материю, приведем еще одну меткую реплику Андрея Колесникова. Его компетентное мнение заключается

в том, что в России [«президентская позиция осталась единственным институтом в деинституционализированной стране»](#). Сквозь призму подобного положения вещей и предлагается рассматривать ситуации разножанровых публичных высказываний, в которых российский президент выступал протагонистом, а черкесская проблематика имплицитно или же явственно определяла их профиль.

Исходным пунктом таких высказываний, ставших достоянием публичного дискурса и предметом нашего внимания, явилось вышеупомянутое гватемальское выступление десятилетней давности. [Интересующий нас отрывок](#) из него выглядит следующим образом: «Сочи – уникальное место. На побережье вы можете наслаждаться прекрасным весенним днем. В то же время в горах настоящая зима. Я там катался на лыжах 6 или 7 недель назад, и я знаю, что настоящий снег там гарантирован. Древние греки жили как раз в окрестностях Сочи много веков назад. Я как раз недавно видел камень, к которому, как гласит легенда, был прикован Прометей».

Всматриваясь в структуру этого послания (и, вполне осознавая его ритуальность и протокольность) на ум все равно так и просится фуколдианский взгляд на «речь» как на акт реализации власти и осуществления господства. Внимая речениям человека, воспринимаемого миллионами людей как олицетворение всего, что связано с отношениями господства и подчинения в современной России, на ком замыкается вся столоначальственная пирамида в государстве, и который, в конце концов, в чем многие искренне убеждены, источает нескончаемое тождество «русской власти» сложно не поддаваться убеждениям в действенности дискурсивной власти, о которой в свое время возвещал французский мыслитель.

Итак, автор вышеприведенного текста, обращаясь к мировой аудитории, аттестовал презентуемый им город в качестве «уникального места». И хотя об этом говорилось в контексте ландшафта и климата сочинских мест, совершенно правомерно предположить, что Путин был осведомлен не только о природном своеобразии представленного им города. В современную эпоху – время массового туризма, даже для среднестатистического обывателя характерен интерес к культурному наследию посещаемых мест. Что же говорить о профессиональных разведчиках и любознательных резидентах тех или иных локаций.

Жизненный путь российского президента складывался таким образом, что его многолетнее пребывание (наряду с Петербургом и Москвой) было отмечено только в двух местах: Дрездене и Сочи. В первом он служил в качестве сотрудника КГБ, а во втором находится знаменитая президентская резиденция «Бочаров ручей». Говоря о первом из упомянутых географических пунктов, представляется, что (любознательный и охочий до исторических познаний) Путин за годы службы многое узнал о культурно-историческом наследию своего места обитания в Германии. Например,

вполне вероятно, что он осведомился о славянском происхождении названия города [Дрезден](#). Думается, не составляет для него тайны и статус «Флоренции на Эльбе», которым наделена саксонская столица в немецкой литературе. Также невозможно представить, чтобы нынешний российский руководитель не оценил по достоинству барочный стиль, в котором отстроена жемчужина на Эльбе. И потому, разумеется, не мог он не воздать должного тому трепетному, растянувшемуся на полвека процессу восстановления дрезденских красот, превращенных во вторую мировую войну в руины. Т.е. речь идет о познаниях общекультурного свойства, лежащих на поверхности, и которыми обзаводится любой индивидуум, не чуждый постижения новых мест и впечатлений.

А что же Сочи? К моменту своей гватемальской речи Путин имел уже более длительный опыт непосредственного знакомства с Сочи, нежели с Дрезденом (в немецком городе он пребывал около пяти лет, с 1985 по 1990 год, а регулярные посещения «южной столицы» охватывались более чем шестилетним периодом). И вряд ли восхищаясь сочинскими природными красотами, Путин не интересовался культурным бэкграундом региона. Все-таки Сочи – это не то место, с которым ассоциируются [«русская тройка» «орловских рысаков», «хохлома», «медвежья потеха» и «разгул русской масленицы» \(что гротескно и неуклюже пытались опровергнуть на церемонии открытия Олимпиады\)](#)[видеодорожка_1:16:50/1:21:57]. И не случайно поэтому, весьма чутко откликающийся на российские беды [Антон Красовский, недавно обращаясь к многотысячной аудитории](#), рассуждал об одном из проявлений любви к своей родине. Он говорил о России, «которую, – по его словам, – мы с вами знаем, а не какое-нибудь Сочи, Алтай или все вот это, что географически в общем, и ландшафтно не является той Россией, которая, – опять-таки согласно его мысли, – у нас с вами в крови». (Между прочим, такой ход мысли говорит о коллапсе практик «внутренней колонизации», «при которой, – согласно Александру Эткинду, – власти принципиально не желали делать различий между разными типами колоний: исторически недавно присоединенные области описывались как «исконные»).

Но это отклик человека явно не в такой мере компетентного в сочинских реалиях как резидент «Бочарова ручья». И поэтому попытаемся порассуждать об этой самой компетенции, при этом, не пускаясь в полет фантазии. Думается, метод исключения тут наиболее оптимален.

Положим, обитатель «Бочарова ручья» – не большой поклонник пешего туризма по горам и предпочитает ему неспешные променады по проспектам, протянувшимся в строгом соответствии с европейскими канонами градостроения (все-таки рос и долгое время жил он в окружении «регулярных» архитектурных ансамблей, выстроенных в соответствии с трехлучевой симметрией). И потому вполне вероятно, что ему остались неизвестны, имеющие обыкновение встречаться на горных тропах Большого

Сочи, памятники архитектуры бронзового века – [дольмены \(черкесское название «испы унэ»\)](#). Вполне понятно, что его могли не впечатлить и прореженные в столетнюю Кавказскую войну черкесские сады, изрядно одичавшие и подпорченные за полтора столетия без заботливых рук своих хозяев. Ведь речь идет все-таки не о [дрезденском Гроссер Гартене](#), слывшем одно время венцом европейского садово-паркового искусства, удачно сочетающего черты регулярной барочной и пейзажной английской планировки.

Однако, как известно, культурное наследие не сводится к материальным памятникам. Важнейшую роль в развитии любого народа имеют духовные аспекты его бытия (а в современной России это знают не понаслышке). Красноречивым отражением творческой жизни народа, в частности, является топонимический облик его Родины. Как писал К. Паустовский, «названия – это народное поэтическое оформление страны. Они говорят о характере народа, его истории...» И здесь, название «Сочи», не имеющее никакого объяснения из славянских языков в отличие от того же немецкого Дрездена, не могло не возбудить познавательного интереса неравнодушного к географии российского президента (ведь не зря же Путин является [попечителем русского географического общества](#) со дня его основания). Более того, не похоже, что и обнаруживающаяся посредством пары кликов вторичность известного названия «Бочаров ручей» (аутентичное черкесское название [Мыдаҭуэпс/Мыдаҭуэбзэ](#) – «непослушная река», в русской транскрипции Мидаобза) осталась неизвестной Путину. О названии горы «Фишт» (оно же наименование олимпийского стадиона) или приобретшей всероссийскую известность местности [Псехако](#) [видеодорожка_13:09/14:20], думается можно не напоминать.

Вряд ли приведенные соображения можно считать недостаточными для утверждения тезиса об определенном знакомстве Путина с культурно-историческим контекстом Большого Сочи уже к 2007 году. И все же не будет лишним удостовериться в своих, смеем надеяться, обоснованных, но все же предположениях. Для этого обратимся к достаточно известным литературным пристрастиям главы российского государства. Так, по его признанию, [он знаком с работами, посвященными «правлению Екатерины II»](#), также как и с [трусами В.О. Ключевского](#). Наряду с прочим в этих книгах совершенно очевидно содержатся сведения о том, что при Екатерине II район Сочи не входил в состав империи Романовых, и что ведущим фактором становления последней являлась колонизация «великорусским» населением новых просторов. Тривиальное соотнесение этих трех переменных (нахождения района Сочи вне пределов России до и в период правления Екатерины II, «колонизации» как ведущего фактора русской истории и наличия огромного пласта культурного наследия, идентифицируемого как черкесское) с фактом статистически ничтожного присутствия самих черкесов в данном регионе по необходимости наводит на определенные размышления. Конечно, можно вообразить, что российский президент не заметил

экстраординарности такой ситуации или же не осилил столь незамысловатые мыслительные процедуры. Однако здесь, очевидно, сработало правило, по которому наиболее вероятная версия и есть правдивая. А она такова, что если даже вышеприведенные соображения окажутся во многом безосновательными (что практически исключено), можно быть уверенными в том, что Путин как «рациональный бюрократ» (по Веберу) и выученик специальных служб подошел к реализации столь экономически затратного и политически значимого проекта как Олимпиада в Сочи со всей обстоятельностью. А это дает основания думать, что выбирая стратегию информационного сопровождения сочинской Олимпиады, знал он и о столетней Кавказской войне, и о том, что на ее излете правительство Александра II спланировало (Владикавказское совещание конца сентября – 3 октября 1860 года), и затем последовательно осуществило ряд военных операций по изгнанию черкесов со своей Родины. По наблюдениям очевидцев эта политика обрела черты «уничтожения» и «истребления целого народа». В этой связи высшие законодательные органы двух субъектов РФ – Адыгеи и Кабардино-Балкарской Республики квалифицировали эти злодеяния как акты Геноцида в отношении черкесского народа и обратились за соответствующим признанием в Государственную Думу РФ.

Резюмируя вышесказанное, можно еще раз обозначить один из тезисов настоящего текста: к моменту выступления на 119-й сессии МОК в Гватемале Президент Российской Федерации был осведомлен о том, что: а) все черноморское побережье России, включая район Большого Сочи, относится к региону исторической Черкесии и б) до конца Кавказской войны в 1864 году, когда ее население было изгнано войсками Российской империи, черкесы населяли свою страну. Также и это: в) он, скорее всего, знал о том, что два субъекта Российской Федерации признали осуществленную по плану российского правительства систему мероприятий по изгнанию черкесов актом Геноцида в отношении этого коренного народа Кавказа.

Но все эти обстоятельства были признаны Путиным ничтожными в сравнении с удачно подвернувшейся возможностью в контексте олимпийской темы заявить о своей приобщенности к западному наследию («Древние греки жили как раз в окрестностях нынешнего Сочи много веков назад»). Видимо, терзания неизбежной отчужденности от Запада, уже которое столетие донимающие российское сознание, дали о себе знать. Хотя в стремлении отождествления с Европой посредством апелляции к наследию «общих» древних греков была как раз со всей ясностью продемонстрирована непреодоленность культурно-аксиологического разрыва с западной цивилизацией (вспомните хотя бы, какое внимание было уделено коренным жителям в ходе олимпийских церемоний в Сиднее и Ванкувере). Однако для миллионов черкесов культурно-психологические апории российского сознания вряд ли были актуальны. Конечно же, они не задумывались и над тем, что Россия как государство не относится к числу постмодерных государств, «которые стремятся реализовать идеалы права и взаимной

безопасности», включающие отвержение силы и опору на «сознательно принятых правилах самоограничения». Т. е. таких государств, в которых согласно [Роберту Куперу «raison d'état и аморальные представления Макиавелли об искусстве управления государством... сменились этическим сознанием»](#). Черкесы, прождав полтора столетия после Геноцида, и полтора десятилетия потратив в упованиях на гуманизацию посттоталитарной России, хотели всего лишь быть услышаны российской властью (а голоса о постигшей их катастрофе звучат в международном регистре, по крайней мере, с 1916 года). Но услышаны они не были. И понимание того, что их не хотят слышать, и так уже укоренилось в сознании людей. Но речь Путина обнажила тогда позицию открытого игнорирования многолетних чаяний и задала курс на *исключение* черкесов из выстраиваемой (а значит и воспринимаемой) властью реальности. Финал процедуры *исключения* был явлен на церемонии открытия Олимпиады со всей беззастенчивой очевидностью, когда комментаторы действия объявили всему миру о том, что [«аргонавты прибыли к необитаемым тогда берегам \(sic!\)»](#) [видеодорожка_1:13:45/1:14:15], а античный антураж на экранах без всяких переходов сменила картинка каких-то лесорубов, облик которых напоминал черты то ли «Бурлаков на Волге» то ли поморов из позднесоветского фильма «Россия молодая».

И здесь мы подходим к поворотному моменту наших рассуждений. В плане развития темы уместно обратиться к временами возникающей ситуации, когда текст может предстать в разных ипостасях; наподобие того как Витгенштейн, написав один из важнейших в истории философской мысли трудов заявил, что «книга состоит из двух частей: одна – это то, что содержится в книге, плюс другая, которую я не написал. И именно эта вторая часть является важной». Разумеется, предмет нашего интереса никак не относим к эмпириям высшего разума, где пребывал великий философ. Мы всего лишь воспользовались этим случаем, чтобы лишний раз артикулировать специфику рассматриваемого здесь вопроса. Говоря словами Екатерины Шульман, [она сводится к следующему](#): «Исучая общественно-политические процессы, важно обращать внимание не только на происходящее, но и на не происходящее. Часто неслучившееся, отсутствующий объект бывает важнее того, что произошло. Как в рассказе Конан Дойла «Серебряный», где Холмс говорит: «Обратите внимание, Ватсон, на примечательное поведение собаки». – «Но собака ничего не делала ночью!» – «Так это и примечательно».

Чтобы не пройти мимо «примечательности», всегда важно иметь в виду генеалогию проблемы, что собственно и заставило злоупотребить читательским вниманием и вести его кружным и несколько утомительным путем. Однако же контекстуализация путинской речи предоставляет необходимую твердую почву для привлечения того типа интерпретации, которая известна как «открытая» или «глубокая». В отличие от «закрытой» интерпретации, сфокусированной на внутритекстовых связях,

открытая/глубокая предполагает выявление неочевидных «аксиом реальности создаваемых речью» обращаясь к интертекстуальным и референциальным связям нарратива.

В этом плане, разумеется, речь российского руководителя как продукт политической деятельности, несомненно, выступает в политической функции. В контексте исторического наследия Сочи, как уже сказано, она явила факт игнорирования черкесской проблематики. Будучи политическим текстом, которому предназначено быть перформативом – речевым актом, обладающим силой поступка и определяющим действия, президентская речь задала вектор *исключения* черкесов из значимой для российской власти реальности. Церемония открытия Олимпиады, как выше отмечено, неопровержимо продемонстрировала эту реализованную стратегию Кремля.

Здесь, наверное, самое место обозначить, как это молчание на олимпийском стадионе, носящем черкесское название «Фишт», шокирующе оглушительно прогремело для черкесов. И как само это название смотрелось ампутированным элементом чужеродного тела в конstellляции «великорусских» брендов – «русской азбуке», венчавшей кульминацию церемонии открытия игр. Но здесь ламентации излишни, и поэтому сосредоточимся на размышлениях об истоках, некоторых пластах семантики и фидбэке, вызванного таким деструктивным курсом.

Для объяснения истоков столь явного проявления, выражаясь термином Алейды Ассман, «репрессивного замалчивания» мы располагаем лишь двумя гипотезами. Первая из них – это страх; политический страх. В этой связи вспоминается недавно вычитанный у Александра Жолковского, вполне возможно, выдуманный случай. Он [заключается в следующем](#): «В свое время один академик (не филолог) задался вопросом, почему большевики запрещают писать слово БОГ с большой буквы. И сам себе ответил: «Наверно, боятся, что если писать с большой, то как бы он вдруг не засуществовал!» Разумеется, этот курьез можно списать на «случай перевозбужденного воображения». Однако констатация Эдмунда Берка насчет того, что возобновляется не столько актуальность угрозы, сколько воображаемая идея угрозы, кажется, в научном обиходе остается авторитетной. В самом деле, известный ученый Кори Робин, разрабатывающий проблемы страха как политической идеи, не случайно утверждает, что властвующую когорту общества «часто охватывает страх – перед теми, кто властью не обладает, здесь идет речь о страхе, возникшем из ощущения вины за совершенную несправедливость».

В качестве альтернативы такому предположению на ум приходит другой социопсихологический феномен – ресентимент. Эмоциональной базой для этого могли послужить два пласта культурных феноменов. Первый из них напрямую связан с черкесской архаической эпикой, один из главных героев которой – Нэсрэн ЖьакІэ в фольклористике весьма (вплоть до отождествления) с эллинским Прометеем. Как известно,

большинство античных авторов прочно ассоциируют «прометеевский» сюжет с Кавказом. Более того, еще с Античности артикулируется его кавказское происхождение. Страбон, мать которого своими корнями была связана с Кавказом, говорил о перенесении предания о Прометее с Понта. Спустя два тысячелетия выдающийся историк культуры Е.А. Мелетинский отмечал резонность идеи восприятия мотива о приковании к кавказским горам богоборца именно из кавказского фольклора. Независимо от решения этой генеалогической проблемы факт состоит в очевидном созвучии черкесского и античного наследий, игнорирование которого в фабуле олимпийских «шоу» поместило их устроителей не только за грань чуткости к историко-культурному наследию, но и в маргинес эстетического вкуса. Тем более что маркер эллинский («алыдж», «алыджхэ я унэ») занимает в черкесском нартском эпосе далеко не периферийное место. А античное государство [Синдика](#) (конец VI в. д.н.э. – IV в. д.н.э.), так вообще предстает как продукт греко-черкесской культурной синергии.

Другим поводом возможной чрезмерной мнительности мог выступать потенциал черкесского контекста, позволявшего насыщенный, с точки зрения культурного наполнения олимпийских церемониальных зрелищ, транзит из Античности в Средневековье. Взору миллиардов людей могли предстать последовательно ромеи из Константинополя, арабские путешественники и генуэзские купцы, восхищавшиеся Кавказскими горами и их жителями. Сыны черноморского берега, отплывавшие отсюда в сердце раннесредневекового мира – Ближний Восток, чтобы охранять и преумножать наследие древних, в том числе и Античности, несомненно, добавили бы колоритности представлению. На контрасте с южными пейзажами переход к сюжету о появлении черкесов в северной Московии вызвал бы яркие импресии. Тем более что с образованием черкесской диаспоры в белокаменной, русская культура обогатилась целым набором инноваций: от золотого шитья, получившего серьезный импульс под влиянием черкесского золотошвейного искусства до прославленных на весь тогдашний цивилизованный мир «черкесских клинков» («Бабур-намэ») и панцирей. Царский двор тогда выписывал оружейников из Черкесии как позднее европейских специалистов. Черкесское влияние на Московию не ограничивалось только высшими кругами. Воины с Кавказа отпечатались в памяти и простых людей: в фольклоре отложились и [«борьба ученая, борьба черкасская»](#) и «седельце бранное черкасское», а у «московских и городских жителей» вплоть до времени Петра I большой популярностью пользовались «черкесские кафтаны» и т.д. Однако такой возможный контент, как оказалось, был признан нерелевантным «снам России» эпохи созидания «русского мира».

Из области предположений об истоках *исключения* черкесов (сколько они ни были важны для его понимания) обратимся к определению значения речи Путина как коммуникативного акта в общегуманистическом контексте (в частности, с учетом сложившейся современной мемориальной культуры) и

реалий актуальной международно-правовой парадигмы. Приемлемой отправной точкой в размышлениях, направленных на адекватную семантизацию рассматриваемого коммуникативного события, можно считать одну черту, свойственную российской политической культуре. Разные авторы, рассуждая о ней, расходятся лишь относительно хронологических рамок ее возникновения. В своей недавней публикации Максим Шер [утверждает следующее](#): «Власть от века считает себя "хозяином земли русской", не связанным никакими юридическими или моральными ограничениями и вольным производить и перекраивать русское пространство под свои, скажем мягко, прагматические задачи.

В представлении власти у людей нет прав, но есть "потребности", которые из опять-таки прагматических соображений приходится как-то удовлетворять, но только когда сама власть сочтет это уместным». Умнейший [Гассан Гусейнов в интервью «Радио Свобода»](#) также совсем недавно говорил о том, что «вся советская эпоха может рассматриваться как эксперимент по удалению права из отношений между людьми». Весьма недвусмысленно по этому предмету еще десятилетие назад высказался политолог Иван Крастев. Его [мысль заключается в следующем](#): «В основе путинского режима лежит огосударствление всей страны. Кремль мыслит категориями не прав граждан, а потребностей населения. Концепция населения противопоставляется как понятию «личность», обладающей правами, которое является глубинной сутью либерального демократического устройства, так и понятию «народ», лежащему в основе националистических проектов. Права гражданина и избирателя, которые служат фундаментом либеральной демократии, подменяются правами потребителя, туриста и обладателя «загадочной русской души». (Допущенное обилие цитат, возможно, читателю покажется чрезмерностью. Чтобы оправдаться, укажем на одно мудрое наблюдение М.Л. Гаспарова. Как-то поймав себя на мысли, что он старается говорить цитатами, академик объяснял это тем, что «все вопросы давно поставлены, а ответов выставлено еще больше, чем вопросов»).

Тема завидной устойчивости, с которой в России воспроизводятся практики, пренебрегающие и уничижающие идею права как такового, давно и прочно укоренилась в дискуссиях о судьбах страны. Здесь мало что нас удивляет. Однако в контексте постулируемой мысли о том, что в российских широтах нет-нет, да и удовлетворяются (хоть изредка и в аптекарских дозах) потребности граждан, подталкивает к определенному умозаключению относительно реализованной в рамках сочинской Олимпиады стратегии черкесского *исключения*. Вряд ли будет сгущением красок, если акт *исключения* черкесов квалифицировать как непризнание за черкесами каких-либо потребностей. (В некотором смысле такой выбор Кремля вполне оправдан, ввиду того, что современный черкесский дискурс апеллирует исключительно к своим этически обоснованным и на международно-правовом уровне подтвержденным правам, и к вялым посулы по

удовлетворению "потребностей" в формах, устоявшихся в позднесоветский период, были бы просто избыточны). Ситуация такова, что черкесы были помещены в слепую, не признаваемую властью зону, говоря словами Эвиатара Зерубавеля, в их отношении были установлены своеобразные «феноменологические скобки». А это – хотим мы этого или не хотим – симптоматика. И дело не столько в том, что здесь мы столкнулись с той разновидностью памяти, которую Павел Полян называет «лукавой». Такая память, по его мнению, есть «намеренно – пропагандистски – сфальсифицированная (разновидностью чего является и насильственное – цензурное – умолчание)...» И здесь не пройти мимо одного из титанов гуманистической мысли XX века. Речь идет о Ханне Арендт. В [одной из своих работ она вспоминала формулу любви](#) – *Volo ut sis* («Я хочу, чтобы ты был») – принадлежащую Августину. В этой связи нет надобности расшифровывать, что ситуация *исключения* черкесов проистекает из противоположной «формуле любви» интенции – *Nolo ut sis*. Важно подчеркнуть, что Арендт, обращаясь к августианианской апофегме, видела в ней и формулу политического. «Политического как пространства свободы, которое только и может быть сформировано через «взаимость», «симпатию», «дружбу», «совместное-с-другими-пребывание-в-мире».

Однако в современной России востребована не политическая традиция, ведущая от Аристотеля к [Хабермасу](#), в которой переговоры, согласование ценностей, интересов и в целом «коммуникативное действие» представляются аксиомой. Скорее мы наблюдаем реализацию платоновских императивов циничной прагматики политического поведения. Следование им всегда чревато [хюбрисом](#). Апелляцией к этому понятию из античного наследия здесь обращается внимание не столько на несостоявшуюся переговорную ситуацию, что как раз в условиях «усыпленного» в России федерализма было неудивительно. У республик с черкесским титульным населением давно атрофировались функции защиты и продвижения языковых и культурных интересов своих учредителей. Общественные же объединения, для которых эти вопросы составляют предмет экзистенциальной значимости, носят движенческий характер, что в условиях жестких ограничений, накладываемых федеральным законодательством на «партикуляристские импровизации» «окраин», позволяет властям подвергать сомнению полномочия и игнорировать «невалидные» интенции миноритарных групп.

Более важным представляется акцентирование на историко-этическом измерении реализованного курса на *исключение* черкесов в последние годы. Из соображений максимально отчетливого понимания сути реализованной властью стратегии будет полезным использование компаративной оптики и соотнесения некоторых параметров осуществления Геноцида полутора столетней давности и современных практик репрессивного *исключения*. Для этого сначала обратим внимание на три императивных фактора в существенной степени определивших избрание к 1860 году

российским императором Александром II курса на уничтожение Черкесии посредством многолетней системы вооруженного террора и насильственного искоренения ее населения. В лапидарном изложении они сводятся к следующим позициям. В идеологическом плане речь идет о невозможности отказа нового царя от культивируемых к тому времени уже без малого столетие и вьевшихся в плоть и кровь петербургского истеблишмента просвещенческих иллюзий распространения «цивилизации». В политическом отношении значимым фактором выступал шок от разгрома в Крымской войне, от гнетущего воздействия которого нескоро освободились правящие круги России. Подстегиваемые страхом очередного натиска европейской коалиции, они буквально были одержимы идеей скорейшего решения «черкесского вопроса» («Надобно было кончить покорение Западного Кавказа так скоро, чтобы нам не успели помешать», «Горцы на берегу – это была новая Кавказская война в перспективе, при первом пушечном выстреле на Черном море» и т.д.). И третий пункт сводится к тому, что разоренное, отсталое, крепостническое государство находилось на грани финансового коллапса, и дальнейшее содержание почти трехсоттысячной армии против черкесов ему было дальше не под силу. Как давно мудро замечено многими и недавно вновь подчеркнуто (не лишней раз) Александром Рубцовым, понимание в таких случаях отнюдь не равноценно оправданию. Но согласимся – здесь наблюдается логика, хотя действия в ее русле обернулись Геноцидом.

На фоне такой фактографии, по меньшей мере, странной выглядит реализованная при Путине стратегия черкесского *исключения*. Ведь в сердцевине культивируемого властью идеологического мейнстрима многие годы находится поддержание памяти Победы (правда, в специфически препарированной форме) над режимом, доведшим геноцидальные практики до абсурдного рационализма. В политическом плане нулевые годы и начало второго десятилетия текущего века маркируются властью как эпоха «вставания с колен», т.е. динамика мощи государства определенно оценивалась по-восходящей. И, наконец, это время с точки зрения благосостояния государственной казны уже традиционно именуется «тучными годами» (выплата внешнего долга, впечатляющее увеличение золотовалютных запасов, учреждение различных резервных фондов, «национальные проекты» и т.д.). При наличии политической воли (о которой, увы, в России частенько приходится говорить постфактум и в сослагательном наклонении) эта триада вполне благоприятствовавших пересмотру своего наследия обстоятельств могла успешно опереться на подготовленную в 90-е гг. прошлого столетия инфраструктуру признания Геноцида черкесского народа (вышеупомянутые документы парламентов Республики Адыгея и Кабардино-Балкарской Республики, а также обращение Президента РФ Б.Н. Ельцина 1994 года к народам Кавказа со словами сочувствия в связи с трагическими последствиями Кавказской войны для коренных жителей региона).

Возможно, для кого-то остается загадкой, явилось ли черкесское *исключение* результатом полусознательного инстинктивного замалчивания или же мы имеем дело с сознательным сокрытием феномена, сочтенного властью в качестве угрозы себе. Как бы то ни было, очевидно, что свершившееся предстало в виде табуирования. А это, как известно, инструмент ненадежный. В этой связи вспоминается вердикт, вынесенный армянским ученым [Суреном Золяном речи другой персоны, намеренно не проговаривавшего ключевое слово заданного дискурса](#). Вот как он звучит: «В основе столь изоощренной техники *непроизнесения* слова – примитивное табу. Табу есть искаженная форма семиозиса, когда абсолютизируется связь между означающим и означаемым и предполагается, что *неупотребление* означающего может повлиять на существование или *несуществование* означаемого. Табу можно преодолеть, только если выйти за границы мифа и принять историческую реальность, а от знаков и нарративов перейти к выявлению описываемых ими смыслов, фактов и событий. Действительность, в отличие от высказываний, не подлежит отрицанию».

О неэффективности такого подхода в последнее время убедительно пишет, пожалуй, и самый известный специалист по современной мемориальной культуре Алейда Ассман. В своей книге [«Новое недовольство мемориальной культурой»](#) она говорит о разных моделях обращения с травматическим прошлым. Характеризуя одну из них, она описывает, каким образом ситуации «коллективного умолчания» и «запрещения памяти» как коммуникативного запрета выступают в качестве «врачующей силы забвения». Подкрепляет она свою мысль примерами из истории. Так, после Пелопонесской войны греки ввели в социальный обиход новое слово «*mnesikakein*» обладавшее особым смыслом: «нельзя публично упоминать зло и страдания, причиненные одной стороной другой стороне». Тем самым речь шла об акте «публичной цензуры, предпринятой ради общественного блага». Сюда подходит и миротворческая практика после Тридцатилетней войны, базировавшаяся на формуле «прощения и забвения» («*perpetua oblivio et amnestia*»). Как замечает немецкий ученый, эта формула «не раз способствовала после гражданских войн быстрой политической и социальной интеграции общества, поскольку широкие амнистии нейтрализовали конфликтный потенциал враждующих сторон». Эффективность такого подхода обнаружилась и после Второй мировой войны, когда «целительное забвение помогло заложить фундамент новой Европы». Однако, как показывает практика, забвение отнюдь не является панацеей от всего спектра травматического прошлого. «Забвение оправдывает себя лишь после симметричного насилия, когда формируются политические или военные альянсы, но забвение не срабатывает, если речь идет об асимметрии экстремального насилия», – настаивает Ассман. В случаях с асимметричным насилием (к видам которого относятся «рабство, колониализм, геноцид или сталинский террор») срабатывает иная модель обращения с травматическим прошлым. Прежде всего, она вбирает в себя

такую оптику, которая обращена на прошлое с позиции жертв, с той точки зрения, которая не учитывалась «доминирующим историческим нарративом». Далее она провозглашает, что в случае асимметричного насилия «залогом новых отношений между преступниками и людьми, пережившими его, или потомками жертв служит не подведение финальной черты под прошлым, а готовность к совместным воспоминаниям. Жертвы не должны оставаться наедине с собой, их память о прошлом должна быть разделена с потомками преступников в качестве «анамнетической солидарности». В итоге получается, что «общая память об исторической травме может заложить фундамент для совместного будущего».

Однако практика показывает, что власть в России мнит себя самодостаточной (и, видимо, до сих пор самодержавной) и не считает нужным на «подконтрольных» ей просторах озадачиваться конструированием будущего, совместно с кем бы то ни было. В своеобычной надменности она явила себя и в ходе подготовки сочинской Олимпиады. Задолго до этого события мы указывали, что информационное поле вокруг намечающегося спортивного форума в контексте проблем черкесского этноса было отдано на откуп, снаряженной на демпфирование заданной «угрозы» разношерстной когорте публицистов. Многочисленные авторы, в абсолютном своем большинстве не являвшиеся специалистами не только по истории и культуре черкесов, но имевшие до этого весьма отдаленное представление о кавказской тематике, стали интенсивно формировать информационный контент определенного типа. Проявившееся при этом явное тяготение к специфической интерпретации определенных вопросов и задействованный язык описания, как событий прошлого, так и тогдашней ситуации, обнаруживали родовые признаки *junk science*. Учрежденная, к примеру, Президентом РФ организация – РИСИ, призванная, между прочим, «противодействовать фальсификации истории на постсоветском пространстве», находилась не в последних рядах этой информационной кампании.

Собственно вся сумма действий власти, обозначившихся в видимом спектре – публичном пространстве, недвусмысленно подсказывала, в какую сторону направлены ее приоритеты. Тут сложно было игнорировать отмеченную Лотманом закономерность процесса: чем больше пройденный отрезок, тем легче предсказать еще не пройденную часть траектории. Проявленные с самого начала некомплементарные меседжи вполне адекватно считывались черкесским сообществом и скорое обретение властной волей неприглядных черт хюбриса, хоть и оставило чувствительное, в некоторой мере, болезненное впечатление, все же возымело более целебный эффект. Факт демонстративного *исключения* буквально вытолкнул черкесские национальные экспектации и рефлексии из контура самообмана и ходульных представлений о политической реальности. Отныне готовность большей части черкесов (в том числе и Диаспоры) инвестировать в возможную синергию с Москвой на основе этически

мотивированного консонанса стала измеряться в величинах, соотносимых со статистической погрешностью. Освободившись от спуда инфантилизма, черкесское сообщество, хоть и не консолидированное посредством жестких организационных структур (что, в некотором смысле, является преимуществом), двигается в направлении продвижения своих артикулированных интересов. Как известно, интерес является тем ядром, вокруг которого осуществляется политическое творчество. Сегодня трудно определить, насколько оно будет интенсивным, и в какие операциональные формы выльется. Сейчас важно то, что фаза патологической абулии осталась позади и динамика живого процесса чувствуется все явственнее. Деятельность же, как известно, рождает установку. Собственно, есть основания полагать, что именно освободившаяся от тягостного груза иллюзий активность еще в ходе Олимпиады вынудила «демиурга» черкесского *исключения* презреть собственное табу. Но это – предмет отдельного разговора.

Здесь же остается констатировать, что на этот раз Сочи, за невостребованностью как катарсиса, так и метанойи, в качестве «места совести» не состоялось. Возможно, такая судьба уготована другому месту, но очевидно в иные времена.

Тимур АЛОЕВ, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Кабардино-Балкарского Института Гуманитарных Исследований